



Фрагменты поэтической драмы

Часть первая

Картина первая  
*Город Витебск. Старинный особняк, в котором располагалась Главная квартира французской армии. В кабинете императора стремительно входят Наполеон, маршал Мюрат, генерал-интендант Дарю и генерал Колленкур.*

Анатолий ПАРПАРА

Наполеон  
*(отцепляя шпагу и бросая её на стол):*  
Где русские?  
Мюрат:  
Исчезли, словно тени.  
По разным направлениям послал  
Отряды кавалерии. Но тщетно  
Они в пыли дорог,  
под знойным солнцем  
Искали неприятеля...

Наполеон:  
Зато  
Враг отыскал в пыли твоих драгунов  
И задал трепака. Да, да, Мюрат!  
Конечно, происшествие ничтожно,  
Но всё же император должен знать  
Из первых уст...

Мюрат:  
Простите, Император!  
Наполеон:  
Чёрт всё-таки побрал  
проклятых русских.  
Два дня вести атаки, словно львы,  
Дать мне надежды на большую битву,  
И обмануть.  
*(Нервно ходит по кабинету.)*

Великого сраженья  
Душа хотела, чтобы разгромить  
Одним ударом армию Барклая.  
И диктовать царю как победитель  
Условия свои. Но хитрый скиф  
Вновь ускользнул.

Мюрат:  
Прикажите дорогу  
Вести войска...

Наполеон:  
Кампания в России  
Окончена, Мюрат! Мои знамёна  
Воздвигнем здесь. Устроим  
передышку.

Колленкур:  
И слава Богу!

Наполеон:  
Знаю, вы, Арман,  
Благоволите русским. И напрасно.

Колленкур:  
За десять лет,  
что пробыл в Петербурге,  
Я присмотрелся зорко и познал  
И нравы, и обычаи народа.  
Он долго думает, на дело – скор.  
Не следует дразнить его.

Наполеон:  
Довольно.  
Барклай ушёл к Смоленску,  
а навстречу  
Ему спешит уже Багратион...  
Тем лучше для меня.

Мюрат:  
Ну и жарича!  
*(Расстегивает куртку.)*  
Как будто бы в египетской пустыне.

Наполеон:  
Итак, война закончена. В Москве  
Мы будем летом будущего года.  
А там – и в Петербурге через год.  
Трёхлетней быть должна  
война с Россией.

*(Мюрату)*  
Войскам дать отдых.  
*(Мюрат выходит.)*

Наполеон *(обращается к Дарю):*  
Чтоб не голодали,  
Немедленно приблизить провиант.

Дарю:  
Из Данцига идут мука, пшеница,  
Гурты быков, и водка, и вино...  
Дня через три всё будет в изобилье.  
Да и сейчас надёжный есть запас.

Наполеон:  
И не забудьте, граф, о ворчунах,  
О Старой гвардии, моих отважных.  
У них должно быть всё.

Дарю:  
Да, Государь!

Наполеон: *(Распечатывает письма и быстро просматривает их.)*  
Так, польский сейм  
меня равняет с Богом,  
А венценосца русского с дерьмом.

Колленкур:  
Они мечтают о великой Польше  
И молятся и день, и ночь на Вас.

Наполеон:  
Пусть расшибают нос. Я договоры  
Подписанные Веной с Кёнигсбергом  
Нарушить не хочу. Да и Россия  
Восстановления Польши не простит.  
А нам ещё вести переговоры  
Придётся с ней. Я знаю: Александр  
Пришлёт не Балашова, так другого.

Колленкур:  
Нет, не пришлёт!

Наполеон:  
Я знаю Александра.  
Он лжив и слаб. Он – византийский ум,  
Но не имеет смелости стратега.  
А вы, Арман, от жизни в Петербурге...  
Вы мыслите, как русский человек.  
Вы русским стали.

Колленкур:  
Я говорил однажды  
О фанатичной твёрдости царя  
Не уступать несчастью.

Наполеон:  
Не уступит?  
Его заставят царские вельможи.  
Вельмож – мои подвигнут батальоны:  
Надёжней средства на планете нет.  
*(Шум за дверью. В кабинет врывается старый генерал. За ним следом Мюрат.)*  
Что значит это?

Мюрат:  
Бешеный гвардеец.

Наполеон *(подходит к нему и пристально всматривается):*  
Ты был в Египте?

Генерал:  
Так точно, Государь!

Наполеон:  
Чем недоволен ты?

Генерал:  
Вы час назад награды  
Вручали отличившимся в бою.

Наполеон:  
Понятно. А тебя не наградили.  
Что хочешь ты, солдат?

Генерал:  
Хочу иметь  
Крест легиона.

Наполеон:  
Почётного! Его  
Зря не дают. А что ты, братец, сделал,

Чтоб заслужить высокое отличие?

Генерал:  
В пустыне Яффской в дикую жару  
Я Вам вручил арбуз.

*(Дружный хохот.)*  
Наполеон:  
Ну что ж, спасибо!

Мюрат:  
За подвиг сей не выдают кресты.

Генерал:  
Ах, так! Не выдают? А семь ранений,  
Полученных при Лоди, Кастильоне,  
У пирамид египетских, Сен-Жан-д'Акре,  
Аустерлице, Фридланде  
и на Аркольском  
Мосту, одиннадцать кампаний и!...

Наполеон:  
Та-та-та-та! Как ты разговорился,  
Дойдя до главного. А то арбуз...  
Я сделаю имперским кавалером  
За службу верную тебя. И тысячу –  
В придачу – ренты.

Генерал:  
Нет, мне нужен крест.

Наполеон:  
Ты – кавалер! Получишь то и это.  
Доволен ты?

Генерал:  
Мне нужен только крест.

Наполеон:  
Ну и чудак!  
*(Прикрепляет награду к груди ветерана. Тот, довольный, крутит свой ус.)*

Колленкур:  
Ты был во всех походах,  
И Бог тебя от смерти ограждал.  
Скажи, герой, что думаешь об этой  
Войне с Россией?

*(Генерал смотрит на императора.)*  
Наполеон:  
Отвечай!

Генерал:  
Что быстро  
Шагаем вслед трусливому врагу.  
Прошли, считай, Европу всю за месяц.  
Не видится конца.

Колленкур:  
А хочется домой?

Генерал:  
Мы, старики, привычны. Молодые  
Под юбку к девке – по ночам мечтают.

Наполеон:  
А днём?

Генерал:  
Я слышал, как один солдат  
Другому говорил: пойми, в Россию  
Мы не затем вошли,

чтоб здесь остаться.  
Царя мы расколтим в пух и прах.  
Но армию такую Император  
Собрал в кулак, чтобы открыть проход  
Сквозь дикие леса и через степи,  
И через горы в Индию. Хочу,  
Как тот солдат, увидеть чудо,  
Которое увидел Искандер.

Наполеон:  
Вот это цель! Ты получил награду  
Вполне заслуженно.  
*(Пасхово пощипывая – по любимой привычке – ухо гвардейца, император провозгает его к двери. Видно, что он повеселел.)*

Ну что ж, друзья!  
А не пора ли нам к Смоленску?  
К земле природно-русской. В граде том  
Лжат ключи от мира с Александром.

Мюрат:  
Мои кавалеристы заскучали.  
И кони застоялись.

Дарю:  
Кстати, кони  
С трудом выносят мерзкие дороги.  
А без овса слабеют. Восемь тысяч,  
Чуть больше четверти, уже погибли.

Мюрат *(иронически):*  
Вы – интендант.  
Всё в вашей мудрой воле.

Дарю:  
В Литве и в Беларуссии снабжение  
Увы, не то, что в Пруссии. И страны  
Не так доброжелательны, как там.  
А дальше – хуже...

Мюрат:  
Мои гусары  
сблизиться в сражении

С врагом...

Дарю *(с откровенным сарказмом):*  
Да, люди могут жить без хлеба,  
Но кони без овса... Их не поддержит  
Святая их к отечеству любовь.

Колленкур:  
Меня тревожит очень мародерство.  
Воруют, убивают... Впрочем, это  
Саксонцы, вюртембергцы...  
не французы.

Пример же заразителен.

Наполеон:  
Казнить

Я приказал таких. И беспощадно.

Колленкур:  
Мой государь,  
осмелюсь Вам напомнить,  
Что Швеция готовится помочь –  
По договору с русскими – войсками.

Наполеон:  
Я это помню!

Колленкур:  
Англия готова  
Помочь России золотом.

Наполеон:  
Я знаю!

Колленкур:  
А знаете, что генерал Тормасов  
Разбил Ренье. Три батальона  
Истреблены.

Наполеон:  
Ну что ж! Тогда нельзя  
Австрийский корпус  
князя Шварценберга  
Вести сюда. Пусть охраняет юг.  
Печальное известие...

*(Входит дежурный генерал.)*  
Генерал:

Государь мой,  
Себастиан извещает Вас,  
Что русские внезапно налетели.  
Он бьётся, но несёт большой урон.

Наполеон:  
Вот видите: они готовы к битве.  
Я не могу им поле уступить.

Дарю:  
Но это страшная земля. Губила  
Она такие армии. Такие  
Здесь полководцы гибли...

Наполеон:  
Вы о Карле?  
Двенадцатом? Да как он смел  
С талантишком ничтожным

замахнуться  
На дело величайшее, какое  
Свершит сумеет лишь Наполеон!  
Где мой Бертье?

Где мой начальник штаба?  
*(Уходит. За ним Мюрат и дежурный генерал.)*

Колленкур:  
Мне интересно знать, какие цены  
На жизни наши, граф, на небесах?

Дарю:  
Я думаю, что даже су не стоят.  
А Франции – готовится удар.

Колленкур:  
Немало лет мы смотрим восхищённо,  
Как судьбами Земли играет он.  
Ему нет равных здесь. Наполеона  
Погубит только сам Наполеон.

Картина третья

*Санкт-Петербург. Каменно-Островский дворец. Рабочий кабинет Александра I. Император нервно прохаживается взад и вперед.*

Император:  
Неотвратимо вглубь моей державы  
С полками продвигается злодей.  
Ещё он полон дерзкого движения,  
Ещё грозит он сразу двум столицам,  
И устрашает силою своей.  
В правительстве – смятенье.

А дворянство,  
Как тараканы, прсынуло в углы  
Империи моей. Ещё вчерашний  
Весёлый доброхот уже сегодня  
Лукавит дерзко за моей спиной.  
Меня винят в позорном отступлении,  
И в неуменье управлять страной.

А матушка моя и Аракчеев,  
В победе войск российских сомневаясь,  
Мне предлагают с Бонапарте мир.  
Наивные, трусливые, не знают  
Всей подлости его. А я узнал.  
И более меня он не обманет.  
О, может быть, военного таланта  
Мне Бог не дал. И тут Кутузов прав.

Но разве не увидел я маневры  
Его ещё занеманских полков,  
Когда он провоцировал сраженья  
На выгодной ему равнине,  
А левым флангом мощно угрожал?

И разве не предвидел я погибель  
Всей армии моей, когда бы мы  
С его великой армией сразились  
У Ковно или Вильно, на границе?  
Я приказал Барклаю отступить.  
И всё-таки политик я природный.  
Так, если дело требует прощенья –  
Прощаю, не умеющий прощать.  
Воспитанным учителем Лагарпом  
На идеалх равенства и братства,  
Как я хотел отчизне порадовать!

Но мой отец, то нежный, то жестокий,  
Непредсказуемый в своих поступках,  
Стеснял мою свободу. И страны...  
Мои доброжелатели хотели  
Его от управления отстранить.  
Я дал согласие. Но разве мог подумать,  
Что правда так со смертью

тесно дружат,  
Что нравственным насилие не бывает,  
Что побуждаемые дела – тоже дело,  
Что отвечаем мы за результат?  
Но острою стрелою мысль пронзила:  
Да, я – причина гибели отца!  
Весь ужас в совершенном

Для владыки,  
Властителя людей карать – привычно.

Но быстрый шаг мой от идеалиста  
К вершителью судеб (сквозь кровь отца)  
С подталкиванием циника-убийцы:  
– Идите царствовать скорей! Что юнии  
Изволите у трона распускать! –  
Увы, жесток. Подобные уроки  
Для власти хороши – не для души.  
А слёзы матери... И всё ж державе  
Для сохранения жизни нужен царь.  
Я стал царем!

И вот я жду решения Комитета,  
Которое в согласии с народом  
Готово выбрать армии вождя.  
Его предвижу я...  
Но гласность, гласность...  
Шлёт Ростолчин решение Москвы,  
И Петербург Кутузовым лишь бредит.

А у меня в глазах – Аустерлица  
Позор забываемый. И гибель  
Солдат и честuloбья моего.  
Он не хотел помочь тогда. Поможет  
Сегодня ли стране лукавый старец?  
А я прошу...

*(Входит флигель-адъютант)*

Флигель-адъютант:

Полковник из Смоленска.

Император:  
Зовите.

*(Флигель-адъютант уходит. Появляется полковник Волконский с пакетом в руке.)*

Волконский:  
Государь мой, Вам пакет.

Император *(распечатывая пакет):*  
Садитесь, князь.

Волконский:  
Премного благодарен.

Император *(закончив чтение):*  
Скажите, князь, оставим ли Смоленск?

Волконский *(вскрикивая):*  
Когда судить по армии – навряд ли.

Император:  
Сидите, князь, ведь мы без политеся.

Волконский *(садится):*  
Силён. Могу.

Уверен: от Барклая до солдата  
Вся армия готова положить  
На поле битвы жизни за Россию,  
За Императора...

**ЧЕБУРЕЧНАЯ**  
Есть на Сухаревской чебуречная,  
Я был ею в момент покорён.  
Ей судьба уготована вечная,  
Потому что она – вне времён,  
Потому что она – нашей юности  
Не раскошенный в пыль островок.  
И внезапно во мне возникает стих,  
Ибо прозой сказать я не смог.

Мы стоим за немислимым столиком,  
Наливая себе "жигули".  
В чебуречной не стать алкоголиком  
На свои трудовые рубли.  
Есть в том радость

мужская, суровая,  
Вожделение для языка,  
И течёт сок мясной, словно новая  
Ароматного счастья река.

Быстро дно у тарелки означится,  
Опустеет бутылочный ряд,  
Но серьёзна в окошке раздатчица,  
А в глазах – торжество чертенят,  
И к столу многослойное здание  
Приплывёт на разное олять.  
Будто некий спецназ на задании –  
Не научены мы отступать.

Постаравшись пореже сутулиться,  
Разбредёмся по странам чужим,  
Лягут под ноги странные улицы,  
И затянет окрестности дым.  
Жизнь привыкла нас, сука увечная,  
Из огня снова в пламя бросать...  
Есть на Сухаревской чебуречная,  
Это, братцы, нельзя описать.

\*\*\*  
Уже написан текст, прямой и резкий,  
В нём отразились горечь и беда,  
Но даже если повод очень веский –  
Не нажимайте ENTER, господа!

Горит в желудке  
чистым жаром Chivas,  
Отмщенные мне, и аз тогда воздам!  
Но двадцать раз вздохните и,

прошу вас,

Не нажимайте ENTER, господа!

Он другом будет. Она – почти женою.  
Но слово... Слово рушит города.  
Чтоб не остаться

с совестью больною,  
Не нажимайте ENTER, господа!

Когда поймёте, что одни в печали,  
А голова по-прежнему седа,  
То, что бы вам по злобе ни кричали,  
Не нажимайте ENTER, господа!

Несмотря на всю ничтожность бытия,  
Несмотря

на непрерывный волчий вой –  
Будем вместе навсегда и ты, и я,  
И зелёная листва над головой.  
Несмотря на то,

что солнца мутен круг  
И что мрачные топят облака –  
Неизменно слышен слева

мерный стук,  
И в моей руке опять твоя рука.  
Хоть пугают почерневшие кусты,  
Я уверен, что надеялся не зря.

Не смотря на стены, лужи и мосты,  
На тебя одну без устали смотрю.

\*\*\*  
Каёмку кружки

крупной солью посоли.

На липкий стол,

пропахший бывшей рыбой,  
Ты положи свои короткие рубли.  
Что нам теперь

Мальдивы и Карибы?

Шипит окуроч

в мрачной луже у стола.

Скажи,

когда нам дождик был помехой?

**ЭХО**  
Встав от холстинки с нехитрой пищей  
Возле обочины, из-под руки  
Смотрят обворванные старики –  
Пусто вдоль нищей  
Древней дороги.  
Лишь коршун да стог.  
Только лишь плачет под сытый  
Грохот отлично сшитых сапог  
Внучек убитый.

\*\*\*  
То не пот серебряный у гиба  
Локти и запястья. – То века  
Словно разом проступили, ибо  
Некому хранить меня пока.

Да приснился инвалид. – По плюшу  
Бабеум медали. Вдалеке  
Видела – и правды не нарушу –  
Троерпестно сложенную душу,  
Так как нету пальцев на руке.

\*\*\*  
У края бездны прав лишь стыд,  
Что ключ найди к тысячелетней  
Истории, не отомстит  
Ей напоследок модной сплетней,  
А то потянешь за слово,  
За денежку, за деревцо,  
Узор судьбы и расплзётся.

А на краю у бездны мы  
Чужой-то не возьмём займы.

Язык просить не повернется.

\*\*\*  
Падаёт звезда из центра лба,  
Выпала, как лал из броши древней.  
Ну а вас-то как нашла я за деревней,  
Что от сумерек и снега голуба?

Там рождественской открытки  
Детский шик:  
Из Москвы никак олеография –  
Ночь, сусальный месяц и ямщик,  
Пушкин и романс, и биография.

И не видим сквозь туманы лет,  
Как у Патриарших-то и сотенкой  
Не умаслю я оркестр,  
и вы не с родинкой  
На виске; но только о пощаде  
Как молить, коль тот же пистолет  
В Лавре бил по старенькой лампаде.

\*\*\*  
...Коралловая ниточка, как след  
От топора. Да не стыдись ты, птаха,  
Взьерошивая перья крепдешина  
И вызывая у Европы смех.

Как место лобное  
на Красной площади,  
У нас одна история. На всех!

\*\*\*  
Да не подзуживай, мол, сузь даль  
До сувенира на лотке

Нас не касаются погодные дела.  
Сегодня Вовка в небеса отъехал.

Сидим,  
у воблы нежно рёбрышки сосём.  
Уже второй за скомканное лето...  
Был-был, и нету.

Это коротко, но всё.

А что ещё, когда был-был, и нету?

У павильона

мнётся очередь всегда,

При входе в рай –

шумливая толкучка.

**Не соблюдая правил**

Хозяйка,

нам бы повторить ещё сюда!

Хоть заорись. Она не слышит, сучка.  
Что смотришь, парень?

У меня всё нормалёк.

Ещё круган – и можно дуть до хаты.  
Так незаметно день

меж пальцами протёк.

Есть чёрточка,

а по бокам – две даты.

\*\*\*  
Мы пили водку в ЦДЛ,  
Где жёлтый свет предсмертно тлел,  
Где раньше было столько дел,  
А ныне – пусто...

Мой собутыльник был очкаст,  
Из тех, кто точно не предаст  
Ни за улыбку выских каст,  
Ни за "капусту".

А там, за столиком в углу,  
Где тени люстры на полу,  
Ни к городу и ни к селу  
Сидят таджики

И что-то странное едят,  
О чём-то странном говорят,  
И странно в воздухе парят  
Слова и блики.

Мы говорили о судьбе,  
И о себе, и о тебе,  
Лабал нам некто на трубе  
В большой колонке.

Царило счастье от ума,  
Буфет стоял, как терема,  
И, слава богу, – ни письма,  
Ни похорошки.

Ночной Никитской сладок лик,  
Лови, раззява, этот миг,  
Ведь всё на свете transitsic,  
Что впору плакать.

Но ночь нетрезвая моя  
Твердит – достойны бытия  
Пузырь, соломинка и я.  
Конечно – лапоть.

\*\*\*  
Напиток из краника ржавого  
Меня охладит, курчавого,  
Что тяжёсть кармана дрявлого,  
И лёгкость полночная дум?

Бумага под ручкою светится,  
За всё мне сегодня ответится –  
Быть узником лунного месяца  
Написано мне на роду.

Послушайте, Лазарь Исакович,  
Ватутина-восемь-баракович,  
В колхозе-кострово-кизякович,  
Вы помните лес над водой?

Немало проделано лажи-то,  
Немного за годы те нажито,  
И даже порою мне кажется,  
Что я не бывал молодой.

А помните пыльную улицу,  
К забору бегущую курицу?  
Прошу – перестаньте сутулиться,  
Нам выглядеть стройно не влом.

Оркестры гремят похоронные,  
Любови горят незаконые  
И бродят стихи неучётные  
Во тьме за оконным стеклом.

Иль развяжи, как на платке